

## РОКОВЫЕ РЕШЕНИЯ

Польско-литовское государство не примирилось с потерей Полоцка. Осенью 1564 г. король направил к крепости многочисленную армию. Русские полки были спешно стянуты к северо-западной границе. В это самое время Крымская орда, вероломно нарушив соглашение, вторглась в пределы России. Военные заслоны, стоявшие на Оке, не могли противостоять татарскому нашествию, но хан Девлет-Гирей не решился идти на Москву и свернул к Рязани. Гарнизон Рязани был немногочисленным, ее укрепления находились в плачевном состоянии. Случайно в окрестностях города оказался Басманов, отдыхавший в своем поместье. Наспех собрав вооруженную свиту, воевода напал на татарские разъезды, захватил «языков» и засел в Рязани. Все попытки врага взять крепость штурмом закончились неудачей. Крымцы поспешно отступили в степи.

Королевская армия, простоявшая в полном бездействии в нескольких верстах от Полоцка, ушла за Двину незадолго до отступления татар от стен Рязани.

Нападения на русские границы были отбиты. Но военная тревога ускорила развитие кризиса в России. Москва понесла серьезное дипломатическое поражение, не сумев предотвратить объединение наиболее опасных противников. Отныне стала неизбежной война на два фронта. Прошло 15 лет с тех пор, как Грозный предпринял первый поход на Казань. С этого времени война не затихала ни на один год, принося беды народу и разорение стране.

В обстановке внешнеполитических неудач соратники царя настоятельно советовали установить в стране диктатуру и сокрушить оппозицию с помощью террора и насилия. Но в Русском государстве ни одно крупное политическое решение не могло быть принято без утверждения в Боярской думе. Между тем позиция думы и церковного руководства была известна и не сулила успеха предприятию. По этой причине царь вынужден был избрать совершенно необычный способ действия.

Стремясь навязать свою волю думе, он объявил об отречении от престола. Таким путем он рассчитывал вырвать у бояр согласие на введение в стране чрезвычайного положения.

Отречению Грозного предшествовали события самого драматического свойства. В начале декабря 1564 г. царская семья стала готовиться к отъезду из Москвы. Иван IV посещал столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К величайшему неудовольствию церковных властей, он велел забрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы и прочую «святость». В воскресенье, 3 декабря, Грозный присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями. На площади перед Кремлем уже стояли сотни нагруженных повозок под охраной нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья покинула столицу, увозя с собой всю московскую «святость» и всю государственную казну. Церковные сокровища и казна стали своего рода залогом в руках Грозного.

Отъезду царя сопутствовали военные приготовления. Ивана сопровождали, во-первых, «бояре и дворяне ближние» и, во-вторых, выборные дворяне «изо всех городов». Им было велено ехать «с людьми и с конями, со всем служебным нарядом». Войско, сопровождавшее государя, было полностью вооружено и готово к военным действиям, дворян сопровождали боевые холопы («люди»).

Царский выезд был необычен. «Ближние люди», сопровождавшие Грозного, получили приказ забрать с собой семьи. Оставшиеся в Москве бояре и духовенство находились в полном неведении о замыслах царя и «в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведало куды бяша».

Царский «поезд» скитался в окрестностях Москвы в течение нескольких недель, пока не достиг укрепленной Александровской слободы. Отсюда в начале января царь известил митрополита и думу о том, что «от великие жалости сердца» он оставил свое государство и решил поселиться там, где «его,

государя, Бог наставит». Как можно предположить, в дни «скитаний» царь работал над завещанием и весьма откровенно объяснял причины отъезда из Москвы. «А что по множеству беззаконий моих Божий гнев на меня распростерся, — писал Иван, — изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, а може, Бог когда не оставит».

Длительный и нередко кровавый опыт московских великих князей определил порядок, который должен был обеспечить решительный перевес сил на стороне государя в возможном конфликте с удельными князьями. Московские князья жаловали удельным князьям — членам династии — сравнительно небольшие города с округой.

Судя по черновику завещания, Грозный решительно порвал с традицией. Он решил разделить свое государство на две половины. На долю младшего сына Федора приходились города Суздаль с Шуей, Ярославль, Кострома с Плесом, Козельск, Мценск, Волок Ламский, множество подмосковных сел. Младший сын получил удел, равный по территории европейскому королевству.

Вполне возможно, что идея раздела царства между наследниками восходила к тому времени, когда Грозный отвел царевичам «особный» двор в Кремле и приставил к ним бояр и особый штат слуг. Царское распоряжение об уделе Федора могло быть непосредственно заимствовано из завещания 1561 г. Но было ли оно при этом видоизменено — неизвестно.

Вопрос заключается в следующем. Какой характер должна была приобрести идея раздела в условиях опричнины?

В конце 1564 г. Грозный принял решение об отречении от престола. В трехсотлетней истории дома Калиты отречение было делом неслыханным. Опасность того, что Боярская дума примет отречение, была вполне реальной. Своеобразие момента заключалось в том, что самодержец отрекся от престола за себя, но не за своих сыновей — единственных законных наследников трона. Если бы Боярская дума приняла отречение, то главным претендентом на трон стал бы одиннадцатилетний царевич Иван. Монарх заблаговременно позаботился о том, чтобы

наделить царевича функциями соправителя. Мальчику поручали дела, от его имени рассылали грамоты.

Видимо, государь длительное время размышлял, как закрепить царство за наследниками сыновьями, и в конце концов решил, что раздел огромной и слабо управляемой державы облегчит достижение поставленной цели. Заметим, что царь и его ближайшее окружение еще не обладали опытом опричного раздела России, а лишь размышляли над последствиями такой меры.

Проект отвечал политическим целям Грозного, ясно обозначившимся в 1561–1564 гг. В соответствии с царским завещанием главные центры родовых наследственных земель суздальской знати должны были перейти не к старшему сыну, а к младшему царевичу и его мачехе. А именно: Суздаль с Шуей и Ярославль должен был получить Федор, а Ростов — жена Анна Колтовская.

Вдумаемся в смысл такого распоряжения. Фактически речь шла об изгнании князей Суздальских-Шуйских, Ярославских и Ростовских со службы в государевой Боярской думе и Государевом дворе. Единым махом царь намеревался перевести на службу в удельные княжества всю коренную суздальскую знать, исключая Стародубских князей. (Землевладение Стародубских подверглось наибольшему дроблению, что и определило их упадок.)

На службу в удел определяли по традиции младших сородичей великих боярских фамилий. Удельная знать становилась как бы знатью второго сорта: удельным слугам закрыт был доступ к высшим постам в царских полках и государевой думе.

Распоряжение государя об уделах членов семьи носило реальный характер. Дьяки старательно пополняли соответствующие абзацы черновика. В раздел о передаче Федору Ярославля были включены сведения о вотчинах, конфискованных у князей («А которые есми вотчины поимал у князей Ярославских...»), в раздел о суздальских волостях — данные о волостях, селах, приселках и деревнях, конфискованных у князя Александра Горбатого в 1565 г.

Грозный успел приобрести достаточный политический опыт и понимал, что князья постараются отъехать из удела и вернуться на царскую службу. Чтобы предотвратить такой исход дела, он ввел санкции. Князьям Ярославским предписывалось «от сына моего Федора не отъехати к сыну моему Ивану и никуды. А кто отъедет от сына моего Федора куды нибудь, и земля их сыну моему Федору». Отъезд был запрещен под страхом конфискации родовых наследственных вотчин.

Волеизъявление о разделе государства монарх сопроводил важной оговоркой. Наследник престола должен был выделить удел брату лишь после того, как сам «государства достигнет». До той поры сыновья не должны были разделяться. «А докудова Вас Бог не помилует, свободит от бед, — наставлял отец сыновей, — и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас за один служили и казна бы у вас за один была, ино то вам прибыльные». Итак, царевичи не должны были делить казну и войско, пока государство не будет «свобождено от бед».

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что в завещании речь шла не столько о разделе царства, сколько о переходе России под совместное управление двух сыновей царя. Проект не был осуществлен, а раздел приобрел уродливую форму опричнины.

Поучая детей, царь писал в духовной: «А всякому делу навывайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу». Государь поставил дела иноческие и священнические прежде дел управления. То была дань благочестию, а может быть, и нечто большее. Наказ царя следует сопоставить с его обращением в Кириллов монастырь, когда самодержец устроил келью для себя, а позднее кельи для обоих своих сыновей.

Будущее представлялось самодержцу опасным и неопределенным. Иван заклинал наследников не забывать родителей, что бы ни случилось, «не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете, во божественных литургиях, и в панихидах, и в лити-

ях, и в милостынях к нищим». Изгнание — вот чего более всего боялся самодержец.

Текст завещания следует сопоставить с царскими приписками на полях Царственной книги. Летописное «Сказание о мятеже» дает возможность судить о том, какие чувства в душе царя посеял раздор с боярами на пороге опричнины. Описав «мятеж» бояр в дни его болезни в 1553 г., отказ от присяги наследнику, государь якобы обратился к крамольникам со словами: «Вы свои души забыли, а нам и нашим детям служить не хотите — и коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах». Потом Грозный напустился с упреками на свою растерявшуюся родню — Захарьиных. «А вы, Захарьины, чего испужались? — будто бы сказал он. — Али, чае, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете! и вы бы за сына за моего, да и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!» Не надеясь на одних Захарьиных, царь обратился с отчаянным призывом ко всем верным членам думы: «Будет станца надо мною воля Божия, меня не станет, и вы пожалуйте, помянутые, на чем есте мне и сыну моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побегите с ним в чужую землю, где Бог наставит».

Обращение царя к Захарьиным менее всего соответствовало патриархальным временам правления Сильвестра, зато было исключительно злободневным в период, когда из-за боярского «самовольства» царь отрекся от престола.

После четырех лет «самодержавного» правления Грозный пришел к трагическому осознанию того, что он, боговенчаный царь, и дети, рожденные на троне, «ненадобны» более его могущественным вассалам.

Половину царского завещания составляли отеческие наставления, призванные уберечь наследников от собственных ошибок. Чтобы научиться повелевать подданными, надо знать, «как людей держать и жаловати и от них беречися и во всем их умети к себе присваивати», чтобы сами стали «своими государствам владети и людьми ...ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати».

Предостережения насчет советников, указывающих самодержцу, конечно же, имели в виду печальный опыт с Адашевым и Сильвестром. Более десяти лет он безропотно подчинялся авторитету наставников. Видимо, их он имел в виду, когда горько жаловался на людскую неблагодарность.

Завещание царя пронизано духом покаяния. «Главу, — писал монарх, — оскверних желанием и мнению неподобных дел, уста — разсуждением убийства, и блуда, и всякаго злаго делания, язык — срамословия и сквернословия, и гнева, и ярости, и невоздержания». Исповедание, обращенное равным образом к сыновьям и к Богу, государь завершал поразительным признанием: «Аще и жив, но Богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший... сего ради всеми ненавидим есмь...» Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные.

Совсем недавно боярин Курбский пенял царю на его чудовищную неблагодарность, сетуя на изгнание в дальние страны. «...Воздал еси мне злая за благие, — писал он Ивану, — и за возлюбление мое непримирительную ненависть...» Теперь совершенно тем же языком заговорил другой «изгнанник» — царь Иван. Ум покрылся струпьями, жаловался Иван, «тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножися, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая возблагая, и ненависть за возлюбление мое». Прошло несколько месяцев с тех пор, как Грозный бросил Курбскому горделивую фразу о вольном российском «самодержьстве». Теперь наступил жалкий финал. Самодержец и помазанник Божий был «изгнан» от своего достояния своими холопами — боярами. Для человека, свято верившего в божественное происхождение своей власти, отречение не было фарсом. Иван IV пережил страшное нервное потрясение. У него выпали почти все волосы. Когда царь вернулся из Слободы в Москву, многие не могли узнать его, так он изменился. Как видно, жалобы на «изнеможение» тела, умножение струпий телесных и душевных не были простой риторической фразой.